

А. Г. Асмолов о неклассической психологии¹

«Что же случилось на этом веку? — спрашивает А. Г. Асмолов в 2000 году на Первых чтениях им. Л. С. Выготского в Российском государственном гуманитарном университете. — Если бы мы провели простой эксперимент, спросив во многих школах России, по каким направлениям они развиваются, то услышали бы имена, прежде всего, Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. А последние десять лет (иногда можно говорить круглыми категориями) стали десятилетием *либеральной доктрины вариативного образования в школе*. Доктрины, которая полностью вырастает из исследований Л. С. Выготского конца двадцатых годов.

Именно культурно-историческая неклассическая психология определила логику развития либерального вариативного образования России. Именно культурно-историческая психология произвела, как сейчас предпочитают говорить, серьезнейшую модернизацию в современном мире образования: в России, Голландии, Финляндии, Бразилии, США. Иными словами, произошла смена парадигм в области образования. Почему? Ответ на этот вопрос мы находим в нескольких работах, которые в свое время прошли почти незамеченными, но сейчас все более выделяются, помогая анализу творчества Льва Семеновича Выготского, Это работы одного из последователей и учеников Выготского — Д. Б. Эльконина.

В двух своих коротких заметках, одна из которых называется «Выготский сегодня», а вторая — «Об истоках неклассической психологии», Д. Б. Эльконин указывает, что **культурно-историческая психология Выготского выступает как неклассическая психология** (Выделено мной — С. Р.).

Что же такое неклассическая психология Выготского (Выделено мной — С. Р.)? Иными словами, что стоит за неклассической психологией Выготского?

Несколько вещей. **Неклассическая психология — это изменение стиля мышления, которое принесли Спиноза, Выготский, Бор и те**

¹ Асмолов. А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. Разд. «Выготский, Гамлет, Спиноза и неклассическая психология». С. 420–427.

исследователи, которые ушли от жестко детерминистической картины мира к миру неопределенности (Выделено мной — С. Р.). Неклассическая психология, благодаря Выготскому и другим мыслителям, вступила в поединок с *идеалом рациональности*, который столь четко был проанализирован и изучен в исследованиях М. К. Мамардашвили.

И вот сегодня мы имеем еще одну работу, в которой удивительно ярко говорится о величии Выготского и сопоставлении стилей мышления, идущих от Выготского, Работа называется “Торжество несхожести: Пиаже и Выготский” — это пленарный доклад Джерома Брунера в Женеве, посвященный им Выготскому и Пиаже. В этой работе Брунер повторяет **вслед за Бором формулу о том, что противоположность великой истины также может быть истиной, и только противоположность мелкой истины — ложна** (Выделено мной — С. Р.). Выготский и Пиаже — это два разных стиля мышления. Это два разных подхода к миру.

Заканчивая свое исследование, Брунер отмечает: “Точно также как зрение имеет эффект диспаратности, чтобы видеть глубину мира, нужна несхожесть”. Это гимн несхожести разных стилей мышления. И эта несхожесть порождает глубину понимания мира.

Неклассическая психология прежде всего взрывает сегодняшний подход к мышлению (Выделено мной — С. Р.) который благодаря многим авторам укоренился в нашем сознании, Я имею в виду К. Леви-Стросса, Ф. Соссюра. По сути, *рациональное мышление поражено логикой бинарных оппозиций*. И любые схемы строятся именно на бинарных оппозициях, И идеал рациональности опирается на эти логики. И именно эти вещи торпедируются, «снимаются» исследованиями Выготского.

Любое традиционное классическое мышление как мышление рациональное, поражено установками европоцентризма и эволюционного снобизма, согласно которым тот, кто был до нас, — примитивнее, проще.

По-иному подходит к этой проблеме Выготский: “Они не проще, они не примитивнее”, — говорит он. В работе Л. С. Выготского и А. Р. Лурии “Этюды по истории поведения” подзаголовки “Обезьяна. Примитив.

Ребенок”, четко показано, что эти миры не выше и не ниже. Они — другие. Они — иные.

Именно Выготский предлагает идею иных логик. Отсюда сам стиль мышления Выготского, столь близкий по сути дела и Фрейдю, и Марку Блоку. Я имею в виду “Школу анналов”, французскую историческую школу. Это *мифо-поэтический стиль мышления*, который никак не говорит: “Убейте рациональное мышление”. Логика Выготского, как это показывает и Брунер по отношению к Пиаже, другая. Он не отбрасывает идеалы рациональности, он снимает эти идеалы, И я хотел бы подчеркнуть, что **именно неклассическая психология Выготского**, прямо связанная со стилем мышления Бора, Эйнштейна, Бахтина и других мыслителей, работающих, как бы сказал Мераб Мамардашвили, в контексте **неклассического идеала рациональности, повышает чувствительность к парадоксам и проблемам**, присущим мышлению, ориентируемому на **классический идеал рациональности** (Выделено мной — С. Р.).

Что же это за парадоксы? Один из парадоксов, с которым работает неклассическая психология, называется **“парадокс системности”** (Выделено мной — С. Р.). Его очень точно описывает В. М. Садовский: “элемент в системе или система в элементе”. Человек выступает как элемент системы. Как быть, когда не элемент входит в систему, а в ряде случаев система входит в элемент. **Парадоксальность заключается в том, что сама система вмещается в элемент** (Выделено мной — С. Р.).

Этот парадокс многим казался неразрешимым. Возможный выход из этого мы ищем на путях анализа неклассического мышления, идя вслед за Выготским. Возникает заманчивая аналогия между личностью и той микроскопической частицей, которую известный физик академик Марков назвал “фридмоном”. Суть идеи фридмона в том, что **элемент — микроскопическая единица — может вмещать в себя, несмотря на малые размеры, целые галактики** (Выделено мной — С. Р.). Что происходит при этом? Элемент, когда в нем свертываются иные миры, меняет размерность этих измерений и, по сути, начинает наделяться большим числом измерений, чем трехмерное пространство и одномерное время.

Отсюда, от этой логики, неклассической логики, я перехожу к работам Выготского по вращиванию (Выделено мной — С. Р.). Иногда интериоризацию понимают примитивно — как переход из внешнего во внутреннее. Нет, никогда об этом не шла речь в работах Выготского. Он четко показывает именно переходы, фантастические трансформации миров. В своих работах Выготский открывает, **как социальный мир свертывается, меняет размерность, обладает хронотопом, превращаясь во внутренние иные миры** (Выделено мной — С. Р.). Привожу некоторые примеры: Выготский в «Мышлении и речи» говорит о переходе **от сукцессивного к симультанному** — это уникальный переход от последовательного к одновременному (Выделено мной — С. Р.),

Когда мы переходим от речи к мысли, то это прыжок в иное пространство — это как трансгалактический переход. При этом меняется размерность. Мы от сукцессивного ряда переходим к симультанным рядам. Отсюда мышление сегодняшнего века — это мышление смысловыми пространствами, семантическими в широком смысле слова пространствами и полями. Это неклассическая логика и Выготского, и Курта Левина (Выделено мной — С. Р.)

За вращиванием, свертыванием, интериоризацией стоит рождение иных реальностей. Вспомните, как Выготский говорит о **слипании значений через агглютинации** (Выделено мной — С. Р.). И здесь опять уникальная вещь, которой мы не помним. Мы часто повторяем “Мойдодыр” (мой-до-дыр) и “Айболит” (ай-болит) и не замечаем, как за этими словами проступает совершенно иное измерение реальности. Вспомните гениальную вещь человека, с которым, увы, мне пришлось прощаться в эту пятницу — Бориса Владимировича Заходера. Его герой называется “Щасвернус”. И все в мире Винни-Пуха делалось таинственным Щасвернусом.

Вот эта агглютинация, это слипание четко выделялось Выготским как один из механизмов свертывания, изменения пространственной реальности. Его примеры с Дон Кихотом, с поэмой “Мертвые души” Гоголя демонстрируют, как упаковываются значения и вырастают иные миры.

Отсюда переход от мира значений — к миру смыслов (Выделено мной — С. Р.). Он невероятно важен. Сегодня образование России, если оно хочет быть образованием, переходит *от объяснения, знания — к интерпретации и пониманию*. Оно движется от когнитивной логики Декарта, как это и подсказывал Выготский, *к герменевтической, интерактивной, понимающей логике*, идущей через Спинозу, Гуссерля и Выготского к современному миру.

Это подчеркивает в своих работах и Джером Брунер. Вот эта уникальность слипания: каждый из нас напичкан вселенными, которые свертываются из социального мира, а потом хлынут потоком в этот мир, рождая новые миры.

В каких мирах мы живем? Сегодня, здесь и теперь мы полностью чувствуем, что мы можем жить, существовать в огромном, с особыми измерениями, мире, который есть мир Л. С. Выготского.

И еще одна красивая логика, идущая от Выготского — логика при исследованиях игры — тоже неклассическая логика. В работах по игре Выготский вводит понятие **“мнимой ситуации”** (Выделено мной — С. Р.), которое вы хорошо помните. Но сегодня где эти мнимые ситуации? Вот в моих руках работа, которая называется «Культурно-историческая психология Выготского в интернете», где собраны все материалы по исследованиям и подходам к Выготскому, опубликованные на разных страницах интернета. По сути дела, мы сегодня столкнулись с тем, о чем говорил Выготский: *есть взаимопереходы между игрой и реальностью, туда и обратно*. Мы сегодня уходим в мнимые реальности, в виртуальные миры, и виртуальная реальность становится сегодня не менее осязаемой по неклассической логике, чем другие реальности.

Где зона перехода? Зона перехода, как подчеркивает человек, близкий по логике к исследованиям Выготского и обладающий тоже неклассическим стилем мышления — Ю. М. Лотман, — это прорыв культуры через смысловые реальности.

С кем общаемся мы, если в виртуальной реальности смотрим исследования Выготского? Вырастает уникальный пласт работ. Читаем: “Выготский и Бахтин”, “Выготский и Витгенштейн” — огромный цикл работ, посвященный анализу творчества Выготского и лидера Венской лингвистической школы Витгенштейна. И, наконец, еще одна логика:

Выготский и *нарративная психология* — повествовательная психология, которая все более овладевает двадцатым веком как смысловая интерпретивная психология.

Следующей ход неклассической психологии. Л. С. Выготский, и мы все это помним, создал классическое явление для понимания образования и жизни в целом, введя понятие **“зоны ближайшего развития”** (“ЗБР”) (Выделено мной — С. Р.). В интернете каскад работ по анализу и развитию представлений Л. С. Выготского о ЗБР. Но когда мы цитируем Выготского о ЗБР, мы часто суживаем это понятие, сводя его лишь к детерминистской логике, когда взрослый с ребенком решает задачи, определяя высоту его развития.

На самом деле у Выготского *“задачи решаются со взрослыми и продвинутыми сверстниками”*. В этом суть дела. Что такое решение задач с продвинутыми сверстниками? Сверстник всегда ставит задачу, от зависти к которой Гейзенберг подпрыгнул бы до потолка. Это задача с моментами неопределенности: **“Пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что”** (Выделено мной — С. Р.). И ведь самое интересное, что сверстники идут “туда, не знаю куда” и находят “то, не знаю что”.

Вот эта **логика неопределенности**, это введение неопределенности в систему (я и делаю на этом особый акцент) пронизывает и работы Л. С. Выготского, и работы по метафорам Ю. М. Лотмана. Ведь детская субкультура ставит перед ребенком неопределенные задачи, небылицы, небывальщины: **‘Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана, буду резать, буду бить, все равно тебе водить’** (Выделено мной — С. Р.). Что эти зоны делают через зону, близкую к ЗБР, которую мы называем «зона вариативного развития»? Что делает ребенок? *Он проходит самую важную школу, которая будет школой двадцать первого века, школу неопределенности*. Сегодня, если мы не хотим, как говорил Выготский, быть рабами репродуктивного мышления, в образование должна прийти школа неопределенности: ребенок будет решать не только стандартные задачи, не только типовые задачи, но задачи с избыточными, недостаточными данными, вероятностной логикой. Все это сегодня мы начинаем понимать благодаря циклу исследований Выготского.

Одной из последних работ этого десятилетия дано очень любопытное название: “Введение в Выготского”. Эту работу написали

наши английские коллеги. Одни заголовки этого исследования — “Введение в миры Выготского” — показывают, как мысль неклассической психологии вращается вокруг Выготского. Назову некоторые из них: “От внешнего мира к внутренней речи”, “Бахтин, Выготский. Интериоризация языка”, “Практика, личность и социальный мир”.

Выготский говорил об интериоризации. Сегодня куда важнее экстериоризация. Интерсубъективность, о которой тоже писал Выготский. Как появляются интерсубъективные реальности, как появляются смысловые миры? Эта напряженная логика мысли сегодня должна быть пройдена, исследована. Идти следует не только от мира, в который погружается субъект, а от того, как личность вбрасывает себя в мир, как личность меняет пути развития, как личность порождает *иные логики* эволюции реальности.

Дорогие коллеги, один из замечательных исследователей Павел Флоренский обронил слова, что культура есть среда, растящая личность. Культура Выготского есть среда, растящая личности и в мире, и в этом зале. И то, что здесь, в институте, который раньше был институтом Шанявского, по всем законам неслучайных совпадений возникает Институт психологии имени Л. С. Выготского — это не случайность. За этим стоит то, что, когда мы прорываемся в культуре, мы так или иначе погружаемся в иные семантики, иные миры мышления. И эти миры, за которые мы ответственны, которые мы понесем дальше, меняют разум не ушедшего двадцатого века, а наступающего на нас двадцать первого столетия со всеми его волнениями, страстями, со всеми Любовями, одна из которых — это любовь к Льву Выготскому»².

² Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. Разд. «Выготский, Гамлет, Спиноза и неклассическая психология». С. 420–427.